

УДК 159. 922

А. О. Коптелов

О НЕКОТОРЫХ КЛАССИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ ИДЕАЛЬНОГО

Аннотация. Основным предметом анализа в данной работе выступает проблема идеального, рассматриваемая в гносеологическом контексте дискуссионного поля второй половины XX столетия, не выходящем за границы традиционного марксистского подхода в объяснении человеческой психики и сознания.

Ключевые слова: идеальное, предметная деятельность, репрезентация, нейродинамика, онтогенез, филогенез.

Abstract. The basic subject of the analysis in this work is the problem of ideal, considered in a gnosiological context of a debatable field in the second half of XX century, remaining within the bounds of the traditional Marxist approach to an explanation of human mentality and consciousness.

Key words: Ideal, subject activity, representation, neuro-dynamics, ontogenesis, phylogenesis.

Предпосылкой к написанию статьи послужил ряд теоретических и практических исследований, связанных с проблемой идеального и сознания, способствующих сегодня переосмыслению таких специфических понятий, как «деятельность», «мышление», «объективация», «интериоризация» и т.д. На месте прежнего, довольно устойчивого методологического пуризма традиционного марксистского подхода в объяснении происхождения и формирования человеческой психики и сознания появились новые методы, опирающиеся как на современные исследования нейродинамики головного мозга, разработки в области трансперсонального опыта, принципы и перспективы холомных подходов, так и на общетеоретические вариации онтологических проектов в философии. Поступившая в конце XX столетия, благодаря деидеологизации философии и психологии, новая литература по проблемам герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, постмодернизма имплицитно совершенно иной вектор исследовательских приоритетов, порой принципиально противостоящих столь распространенному у нас деятельностью подходу. Основная задача автора статьи – обозначить проблемные стороны в теории деятельности как объяснительного принципа явлений человеческой психики – идеального и сознания, а также допустимые пределы научной идентификации этого принципа.

Проблема идеального в ее специфическом значении приобрела актуальный характер в нашей стране во второй половине XX столетия, во многом благодаря работам Э. В. Ильенкова, Д. И. Дубровского и М. А. Лифшица. Поэтому, если рассматривать ее в том виде, в каком она получает в нашей литературе свой верификационный статус и научную классификацию, то эта про-

блема сравнительно молодая. Вместе с тем, учитывая ее многоаспектный характер, включенность в категориально-философское поле другой, смежной с ней проблемы сознания, то, безусловно, она имеет давнюю историю, насчитывающую не одно тысячелетие. Отдельные ее положения были развиты уже в учениях Алкмеона из Кротоны, Гиппократы, Платона, Аристотеля, в трудах неоплатоников, представителей христианской философии, работах Дж. Локка, Р. Декарта, Б. Спинозы, в которых с особой отчетливостью проявляется принцип ассоциации на мышление. Более развернутые подходы к проблеме сознания и идеального в их гносеологической релевантности были созданы во второй половине XIX – начале XX в. психофизиологами Г. Гельмгольцем, Г. Фехнером, В. Вундтом, И. М. Сеченовым в его учении о рефлекторной природе психики, а также В. М. Бехтеревым, Н. Ланге, И. П. Павловым, гештальтистами, феноменологами и др. В научно-теоретическом поле различных интерпретаций психики, сознания и когнитивных его аспектов, связанных с ментальными и речеперативными функциями, начинают формироваться основные диспозиции в понимании идеального как феномена нейрофизиологической и предметной деятельности.

В конце XIX – начале XX столетия экспериментальные исследования по выявлению условных и безусловных рефлексов приобретают доминирующее значение в теоретических разработках ведущих отечественных и зарубежных физиологов, нередко задавая крайне сциентистскую мотивацию гносеологического плана, если это касалось явлений психики и сознания. Особое значение придавалось работам И. М. Сеченова и И. П. Павлова, содержание которых, по своей сути, сводилось к тому, что психические явления и их биоэлектрическая динамика представляют не два ряда процессов (психофизический параллелизм), а в своей основе являются одним и тем же процессом материального отражения мозгом внешних условий существования организма [1, с. 167]. Подчеркивание И. П. Павловым уникальности человека, обладающего второй сигнальной системой, рассматривалось как понимание качественных различий, существующих между организмами, принадлежащими к различным структурным уровням материи, – различий, основанных на принципе перехода количественных изменений в качественные. Позже П. К. Анохин доказал, что сам классический павловский подход к изучению условного рефлекса не позволяет исследователям понять важные процессы, связанные с пониманием физиологических основ высшей нервной деятельности. Он ставит вопрос об «интегральном характере безусловных и условных реакций животного».

Следует заметить, что отечественная философская литература, посвященная проблеме идеального, прошла довольно сложный и неоднозначный путь ее истолкования и научной интерпретации. В 1930-х гг., задолго до возникновения теории систем и кибернетики, П. К. Анохин и А. Н. Бернштейн выдвинули основные идеи системного характера акта поведения и определяющей роли в нем функций мозга как органа управления, обратной связи и т.д. Очевидно, что полная характеристика сознания индивида предполагала синтез данных относительно не только его (сознания) связи с мозгом, но и предметными действиями, т.е. рассмотрения его как самого **действия**, в том числе и речевого. Именно в актах речи действительно существует накопленное обществом и объективированное им содержание бытия, через речевые операции оно передается последующим поколениям.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что в начале 1930-х гг. происходит становление советской психологии, связанной с известными именами, такими как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, и представителями их школ. В это время получают развитие инженерная психология, исследования по научной организации труда и педагогическая психология. А в конце 1940-х гг. в Советском Союзе активно возобновились фундаментальные и экспериментальные исследования в области подсознательных сфер психики и нейродинамики мозга, имевшие огромное значение для всего диапазона специальных разделов клинической медицины, психологии и психиатрии. Эти исследования во многом определили и ход дальнейших научных дискуссий по проблеме идеального. В тот период особенно остро встает вопрос о гносеологической стороне материалистического понимания психики и сознания. Рассматривая подшивку журнала «Вопросы философии» тех лет, отмечаешь, что авторы научных публикаций не столько очерчивают канву ожесточенных противостояний, сколько определяют степень аутентичности интерпретаций (как своей, так и оппонентов) классиков марксизма. Крайняя форма наказания за «отступничество» – обвинения в идеализме, что, соответственно, ведет к дальнейшей обструкции со всеми вытекающими последствиями [2, с. 108]. Нет надобности в иллюстративных интерполяциях, показывающих сюжетную обличовку критических статей, так как любой читатель при должном желании может самостоятельно с ними ознакомиться. Мы лишь коротко остановимся на отдельных примечаниях одного из плеяды критиков той поры.

Ставший известным в конце 50-х гг. XX в. нижегородский философ Ф. Ф. Кальсин, автор «нашумевшей» книги «Основные вопросы теории познания», писал: «...логические основания и естественно-научные данные говорят о том, что психика и сознание, хотя и являются специфическими свойствами материи, но эта специфичность не идет так далеко, чтобы эти свойства нельзя было считать особыми формами движения материи» [3, с. 18–19]. Иначе говоря, Кальсин отмечает, что если идеальное есть лишь частичное свойство материи, то очевидно, что материя может существовать без этого свойства, в то время как идеальное не может существовать без материи. Правда, Ф. Ф. Кальсин не уточняет, что включает в себя понятие «свойство материи», когда речь заходит о сознании и идеальном, а ограничивается лишь ощущениями как формами познания действительности. Чувственные же впечатления являются формами ощущений. Аподиктическая подоплека в рассуждениях нижегородского философа нередко превращается в пресловутые его «очевидности», а перемежающиеся логические тавтологии вполне уживаются с самобытными эпистемическими заготовками, отдающими дидактической пассажностью, когда это касается общественно полезного дела – «разоблачения псевдомарксистов». И хотя формат статьи не дает возможности обсудить кальсиновские «пролегомены» ко всякой будущей науке о сознании, тем не менее отметим, что следовать подобным суждениям, безусловно, трудно, поскольку здесь требуются более весомые с позиции научной достоверности аргументы.

В терминологии, которой пользовался И. П. Павлов в своих работах, довольно часто обнаруживается (несмотря на все оговорки и реверансы в отношении психических процессов) процедурная редукция психического к физиологическому. Вот, например, что он пишет в своей работе «О возможно-

сти слития субъективного с объективным»: «...постепенно открывалась все большая и большая возможность накладывать явления нашего субъективного мира на физиологические нервные отношения, иначе говоря, сливать те и другие» [4, с. 27]. В конце 60-х – начале 70-х гг. эта тенденция оформляется в довольно стройную систему взглядов, в которой главным идеологом выступает Д. И. Дубровский, известный отечественный философ и психолог. Отметим, что в настоящее время отдельные его теоретические выводы претерпели значительную эволюцию, но в целом концептуальное ядро его исследовательской программы сохраняется и поныне. Суть ее заключается в том, что идеальное – это своего рода актуализированная для личности информация. «Это способность личности иметь информацию в чистом виде и оперировать ею. Идеальное – сугубо личное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом определенного типа (пока еще слабо исследованного)» [5, с. 187]. Д. И. Дубровский согласен с тем, что явления репрезентации свойственны личности, т.е. социальны в своей основе, но они субъективны и кодируются в мозге человека. И поскольку речь идет о процессах кодирования, то и концепцию следует называть кодовой, или концепцией аналоговой вещеподобной репрезентации.

Контрарная позиция, которая получила признание во многом благодаря известным трудам Э. В. Ильенкова, проявила себя в концепции идеального как особого рода объективной реальности. «Под «идеальностью» или «идеальным» материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное – и строго фиксируемое – соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а еще точнее – всеобщей природы этого другого объекта, всеобщей формы и закономерностей этого объекта, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически-очевидных вариациях» [6, с. 131]. Рассмотрение идеального как особого социокультурного предмета-репрезентанта Э. В. Ильенков дополняет определением идеального как особой структуры (формы) материальной человеческой деятельности. Иначе говоря, идеальное – это схема реальной предметной деятельности человека, согласующаяся с формой вне собственно головы, вне мозга. Сама же эта «схема» (образ) целесообразной деятельности человека, включающая в поле своего отношения объекты реального мира, должна рассматриваться как *особый, абсолютно (sic!) независимый от устройства мозга и его специфических «состояний» объект* (курсив наш. – А. К.), как предмет особой деятельности (духовного труда, мышления), направленный на изменение образа вещи, а не самой вещи, в этом образе предметно представленной. А это единственно и отличает чисто идеальную деятельность от деятельности непосредственно материальной» [6, с. 136].

Существовала и третья позиция, представленная М. А. Лифшицем. Эта скорее позиция, а не подход имела определенное влияние на концептуальный аппарат вышеуказанных исследований, но в целом оставалась в тени ожесточенных дискуссий между Э. В. Ильенковым и Д. И. Дубровским. Что же связывает эти, казалось бы, несовместимые исследовательские подходы? Как считает Д. В. Пивоваров, автор синтетического подхода в исследовании проблемы идеального, именно то, что все они имеют одно общее основание, а

именно репрезентацию, так как мышление всегда предполагает опосредование материальными репрезентантами – знаками.

Следует заметить, что в те годы велась большая работа, направленная на реализацию возможностей, заключенных в первой методологической программе, суть которой сводилась к тому, что носителем идеального образа сознания может выступать только совокупность электрохимических импульсов, возбуждаемых внешним агентом (объектом) в нервной системе индивида при его непосредственном контакте с органами чувств. Конечно же, Ильенков отнюдь не отрицал связи психических процессов с физиологией мозга. Другое дело – возникающие проблемные коллизии, связанные с объяснительными затруднениями феномена происхождения идеальных образов. Здесь кодовая концепция вещеподобной репрезентации находит некоторые «удобные» варианты решения, но останавливается перед репрезентативной функцией предмета, которая обретается только в социально-исторической деятельности людей [7, с. 38]. Кроме того, эта исследовательская программа отличается своей парадоксальностью, поскольку вводит в процедуру декодирования словесных сигналов на различных уровнях ЦНС – там, где осуществляется «вход» и «выход», существование внутреннего наблюдателя-дешифровщика, такого «гомункулуса», по классификации американского исследователя Д. Деннета [7, с. 104–121]. «Так как каждому предмету действительности соответствует свой специфический код, а код еще сам по себе не является образом предмета, то кто или что расшифровывает этот код и превращает его в образ, в переживание информации в чистом виде? Что добавляется к коду, чтобы он стал образом? Где хранится ключ к его расшифровке?» [7, с. 40]. Таким образом, общим объяснительным недостатком этого подхода является пассивистская трактовка субъекта познания. Нейродинамическому коду принадлежит ведущая роль в процессе познания, фактически они (в рамках соответствующих теорий) превращаются в субъекта, так как предполагается, будто в материальный электрохимический код инкорпорирована основная информация о внешнем агенте. Поэтому сам феномен репрезентативного отражения подвергается редукционистской процедуре. При всей палитре подобного рода подходов в объяснении психических явлений и сознания эластично нивелируется понятие деятельности (практики), или же она просто выносится за скобки теоретического анализа. Убедительная критика одного из вариантов концепции «снятия», который претендует на объяснение специфики идеального образа сознания (гносеологический натурализм), содержится в работе В. В. Орлова. «С таким пониманием познавательного процесса, – пишет он, – неизбежно связано представление о том, что объективное содержание образа существует в готовом виде уже в рецепторах и лишь «выявляется» в мозговом процессе... С этих позиций объективное содержание образа существует в равном себе состоянии на всех уровнях нервной системы – рецепторах, афферентных путях и мозге – лишь переходит из одной формы в другую» [9, с. 32–33]. Вместе с тем следует отметить, что в исследуемых областях нейродинамики мозга с позиций этого подхода проделана огромная работа, естественнонаучные достижения которой невозможно переоценить. Выдающийся нейрофизиолог Н. П. Бехтерева согласна, что «...рассмотрение вопроса о законах сложнейшей интеллектуальной деятельности на сегодня и завтра является задачей психологов, хотя не исключено, что послезавтра к этому вопросу могут найти подходы и нейрофизиологи» [10, с. 122].

С. Л. Рубинштейн, выдающийся советский психолог и философ, своеобразно определял детерминизм как диалектику внешнего и внутреннего: «Внешнее не является причиной, определяющей или создающей внутреннее, а внутреннее не является его следствием. Внутреннее как онтологически «самодостаточное», объективно существующее, преломляет внешние воздействия согласно своей собственной специфической сущности» [11, с. 11]. Но почему же тогда возможности монизма как методологического принципа для построения психологических и философских теорий по проблеме сознания и идеального реализуются не столь продуктивно, если не сказать больше, равно как и столь критикуемый психофизический декартовский подход? В свое время Д. Дьюи описал эту ситуацию: «Старый дуализм между ощущением и идеей повторен в современном дуализме между периферическими и центральными функциями и структурами. Старый дуализм между душой и телом находит современное эхо в дуализме стимула и реакции» [3, с. 81]. У Ильенкова «деятельность-субстанция», казалось бы, дает ответ на возможное сочетание двух в конечном итоге аффицированных данностей. Иначе любой объект окружающего мира дан субъекту только и исключительно через призму человеческой деятельности, либо его собственной, либо опредмеченной в этом объекте. Таким образом, монизм у Ильенкова есть отчетливо выраженная констатация принципа субстанции. «Мышление есть атрибут субстанции» (Спиноза). «Мышление есть атрибут (функция) предметно-человеческой деятельности» (Ильенков) [12, с. 74]. Как замечает в своих исследованиях Н. Н. Вересов, здесь сразу выявляются существенные различия в подходах Ильенкова и Выготского, так как деятельность для Выготского всегда выступала как один из видов субъект-объектного взаимоотношения, опосредованного орудиями. Более того, Выготский в своих исследованиях делал акцент именно на речь, общение как источник развития, как главный определяющий фактор развития человека, за что подвергался критике со стороны А. Н. Леонтьева в середине 1930-х гг.

Сегодня деятельностная тематика как в философии, так и в психологии несколько утрачивает свой потенциал. Одно из обвинений, которое преподносят сторонникам этого подхода, заключается в том, что его содержательная аспектация предполагает чрезвычайно узкое понимание философии, поскольку в советский период развития науки наши исследователи имели весьма скромное представление о современных западных философских концепциях.

В начале 1980-х гг. А. Г. Асмолов отмечал, что «...между основными принципами общепсихологической теории деятельности и богатым эмпирическим материалом, полученным при опоре на эту теорию, образовался... ощутимый разрыв. Вследствие этого теория деятельности, порожденная запросами практики, начинает восприниматься как «чистая» теория, оторванная от практики» [13, с. 118]. Следует добавить, что за прошедшие годы мало что изменилось в лучшую сторону. Скорее наоборот, некоторые исследователи отмечают, что общие идеи деятельностного подхода при проведении частных исследований все чаще выступают лишь в декоративной роли.

Возвращаясь к Э. В. Ильенкову, отметим, что, несмотря на то что Спинозе удалось верно определить, – как полагает философ, – отношение идеального к реальному вообще, однако загадка рождения конечной формы идеального – человеческого интеллекта – Спинозой не была решена. На наш взгляд, проблема принципиально не имеет решений в границах ее причинно-

порождающей концепции. Выдвигая положение, что идеальное возникает, рождается как форма реального предметного действия, затем, застывая в образе внешней вещи, «вселяется» в индивидуальную психику в процессе распредмечивания деятельностных форм, Ильенков тем самым наделяет идеальное атрибутивностью материального мира. У него *идеальный свет разума*, кажущийся мыслящему существу чем-то присущим ему от рождения, на самом деле *зажжен взаимно координированным содействием руки и материала*. И именно здесь проявляет себя логос, закон бытия вещей, а позднее его отраженным светом – индивидуальная психика и мозг (дух и его врожденное орудие), соответственно, и все остальные вещи, втягиваемые «вещью мыслящей» в круг своей жизнедеятельности. «Спинозизм... связывает феномен мышления вообще с реальной деятельностью мыслящего тела (а не с понятием бестелесной души), и в этом мыслящем теле предполагает активность...», – пишет А. Д. Майданский [14, с. 155]. Как видим, деятельность приобретает интенционально-сущностную, эволюционно «сложенную» программу с формирующимися параметрами интеллектуальной сферы. Такая постановка вопроса о предметности человеческой психики, с одной стороны, исключает возврат к картезианскому противопоставлению души телу, но, с другой, она так и не находит выхода из «гносеологического тупика», задающего совершенно иную соразмерность психики, когда речь заходит о филогенетической стороне происхождения сознания. Сущность человека надприродна, хотя и укоренена в материальном бытии «должного» – схемы его поведенческой атрибутики.

Следует заметить, что сегодня проблема идеального хотя и не потеряла своей актуальности, но уже не столь дискуссионна, как прежде, поскольку из ее ансамблевого теоретического репертуара элиминирована фундирующая ее «эпистемологическая переменная», нередко конституирующая как смысловую канву проблемы, так и ее социально-классовую направленность, обернутую в марксистско-ленинскую материалистическую теорию сознания. Но ностальгия по прошлому еще дает о себе знать в размышлениях и воспоминаниях о том весьма непростом времени.

Таким образом, исследуя различные подходы по широкому спектру вопросов, имеющих отношение к проблеме идеального в его теоретико-познавательном значении, мы пришли к выводу, что концепция деятельности в своей сущности не решает основные вопросы, связанные с происхождением психики и сознания, поскольку сама требует своего научного объяснения. Ее тавтологичность закономерна, так как в самой деятельности проявляются столь характерные для нее субстанциальные черты, что, в общем, и придает ей смысл логической категории. Но здесь следует подчеркнуть, что и *субъект* содержательно не «поглощается» деятельностью, его активности в той же степени присуща *causa sui*, как в целом и всей человеческой культуре. Такого рода идеи пока еще не получили должного развития в отечественной литературе, но уже довольно настойчиво проявляют себя в научных исследованиях зарубежных представителей когнитивной психологии, психиатрии, трансперсональной психологии и философии, в частности в работах К. Прибрама, К. Уилбера, А. Янга, Д. Чалмерса, С. Грофа и др.

Анализ проблемы идеального невозможен вне поля психической и предметной деятельности, человеческой культуры в целом. Тем самым характеризуется многоаспектность и сложность, а подчас и ее неразрешимость в

рамках традиционных подходов. Это тем более трудный раздел в исследованиях психики и сознания человека, поскольку репрезентируется отсутствие единства в понимании указанного феномена. Но в том и смысл научного исследования, чтобы не только выявить демаркационные обертоны в мнениях и позициях известных ученых, но и определить у них то общее, которое и характеризует главные направления поиска в решении указанной проблемы.

Список литературы

1. **Грэхэм, Л. Р.** Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Грэхэм. – М. : Политиздат, 1991. – 480 с.
2. **Корнилов, К. Н.** Диалектический метод в психологии // Под знаменем марксизма. – 1924. – № 1. – С. 108–115.
3. **Кальсин, Ф. Ф.** Основные вопросы теории познания / Ф. Ф. Кальсин. – Горький : Изд-во Горьк. гос. пед. ин-та, 1957. – 332 с.
4. **Павлов, И. П.** Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности / И. П. Павлов. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1950. – 264 с.
5. **Дубровский, Д. И.** Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики / Д. И. Дубровский. – М. : Наука, 1971. – 386 с.
6. **Ильенков, Э. В.** Проблема идеального / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. – 1979. – № 6. – С. 130–142.
7. **Пивоваров, Д. В.** Проблема носителя идеального образа / Д. В. Пивоваров. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1986. – 129 с.
8. **Юлина, Н. С.** Деннетт: самость как «центр нарративной гравитации», или почему возможны самостные компьютеры / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 104–121.
9. **Орлов, В. В.** Отражение – «снятие» или «уподобление»? / В. В. Орлов // Ленинская теория отражения и современность. – Свердловск, 1967. – С. 27–43.
10. **Бехтерева, Н. П.** Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека / Н. П. Бехтерева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Медицина, 1974. – 151 с.
11. **Рубинштейн, С. Л.** Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 512 с. – (Мастера психологии).
12. **Вересов, Н. Н.** Выготский, Ильенков, Мамардашвили: опыт теоретической рефлексии и монизм в психологии / Н. Н. Вересов // Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 74–88.
13. **Асмолов, А. Г.** Основные принципы психологической деятельности / А. Г. Асмолов // А. Н. Леонтьев и современная психология : сб. ст. памяти А. Н. Леонтьева. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – С. 118–128.
14. **Майданский, А. Д.** Реформа логики в работах Р. Декарта и Б. Спинозы / А. Д. Майданский // Вопросы философии. – 1996. – № 10. – С. 145–155.

Коптелов Александр Олегович

кандидат философских наук, доцент,
кафедра методологии, истории
и философии науки, Нижегородский
государственный технический
университет им. Р. Е. Алексеева

E-mail: noumenos@mail.ru

Koptelov Alexander Olegovich

Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of methodology,
history and philosophy of science, Nizhny
Novgorod State Technical University
named after R. E. Alekseev

УДК 159.922

Коптелов, А. О.

О некоторых классических подходах к проблеме идеального /
А. О. Коптелов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2011. – № 3 (19). – С. 34–42.